

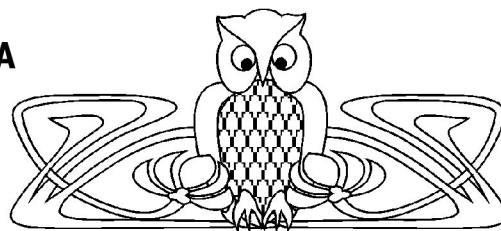

УДК 821.161.109-3+929[Радищев+Скафтымов]

ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО А. Н. РАДИЩЕВА В ОСМЫСЛЕНИИ А. П. СКАФТЫМОВА

Т. А. Алпатова

Московский государственный областной университет
E-mail: alpatova2005@rambler.ru

Статья А. П. Скафтымова «О стиле «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева» рассматривается как одна из наиболее значительных работ о произведении писателя. Прослеживаются методологические основы исследования, специфика отношения А. П. Скафтымова к формальному методу в литературоведении. Сделаны выводы об актуальности идей ученого для современной науки.

Ключевые слова: А. П. Скафтымов, творчество А. Н. Радищева, поэтика, стиль, художественный метод, реализм, сентиментализм, классицизм, риторика, формальный метод в литературоведении, русская проза XVIII в.

A. N. Radishev's Personality and Creative Work in A. P. Skaftymov's Perception

T. A. Alpatova

A. P. Skaftymov's article «On the style of "The Journey from St. Petersburg to Moscow" by A. N. Radishev» is regarded as one of the most significant works about the book of this author. The methodological basis of the research and the specific character of A. P. Skaftymov's attitude to the formal method in literary criticism are observed. The conclusions are drawn on how up-to-date the ideas of the scientist are for contemporary science.

Key words: A. P. Skaftymov, A. N. Radyshev's creative works, poetics, style, artistic method, realism, sentimentalism, classicism, rhetoric, formal method in literary criticism, 18th century, russian prose.

Интерпретация творческого наследия А. Н. Радищева, исследовательское прочтение художественных произведений писателя, определение места его самобытных поэтико-стилевых и идейно-философских исканий в литературной жизни эпохи – одна из самых сложных и, пожалуй, до сих пор не решенная до конца задача русской литературоведческой науки. Сама история изучения творческого наследия Радищева куда менее продолжительна, нежели его ближайших современников – Г. Р. Державина, Д. И. Фонвизина, Н. М. Карамзина. А. П. Скафтымов был из тех ученых, кто формировал основы литературоведческой интерпретации радищевского наследия; в его статье о «Путешествии из Петербурга в Москву», впервые изданной в 1929 г.¹, в полной мере реализовался один из главных принципов ученого – рассмотрение художественного произведения с точки зрения его внутренней логики и структуры, не «навязывая автору никакой априорно предполагаемой философии», стремясь скрупулезно, последовательно и честно истолковать «соотно-

шение всех частей и элементов, составляющих целое»².

В работе А. П. Скафтымова о Радищеве примечательна уже сама постановка в центр литературоведческого анализа проблемы стиля книги – в противовес общепринятой в ту пору тенденции главным образом характеризовать ее общественно-политическое содержание. Помимо безусловной принципиальности ученого, отстаивавшего таким образом собственную независимую позицию, помимо той смелости идти «против течения», которую отмечал в судьбе и научном творчестве исследователя В. Е. Хализев³, выбор подобного направления анализа радищевской книги позволил А. П. Скафтымову поставить и разрешить несколько важных методологических задач. Первая заключалась в том, чтобы действительно вернуть анализ «Путешествия...» от обобщенных характеристик идейной позиции автора к материи текста. Именно эта мысль одушевляет полемический выпад исследователя против недалековидных критиков, которые стремятся оценивать книгу «на основании отдельных страниц»⁴. И разрешая эту проблему, А. П. Скафтымов выходит к иной, возможно, методологически еще более важной – своеобразной «проверки на прочность» возможностей анализа художественной формы.

Вопрос о влиянии формальной методологии на творческую позицию А. П. Скафтымова, безусловно, достоин того, чтобы сделаться отдельным предметом исследования. В статье ученого о «Путешествии из Петербурга в Москву» присутствует не только очевидное сближение, но и столь же очевидное желание уточнить характер подходов, преодолеть противоречия метода, вызванные стремлением его адептов рассматривать форму «в самой себе и для себя». Неслучайно Ю. М. Лотман, размышляя о влиянии формальной методологии на последующие этапы развития литературоведения в России XX в., назвал А. П. Скафтымова – наряду с Г. О. Винокуром, Г. А. Гуковским, В. М. Жирмунским, М. М. Бахтиным, В. Я. Проппом и др.⁵ В связи с растущей во второй половине, и в особенности в конце 1920-х гг. критикой формализма такой опыт представляется, безусловно, смелым шагом – тем более что, не упоминая о формальном методе как таковом и о возможных его просчетах, А. П. Скафтымов в статье о стиле «Путешествия...», в сущности, делает очень

важную в методологическом отношении попытку преодоления этих просчетов. Сам исследователь формулировал эту задачу таким образом: не только вычленив элементы стиля книги Радищева, но и понять, «в каком соотношении эти элементы находятся в общей перспективе целого»⁶. И именно эта «общая перспектива целого», стремление филологически доказательно рассмотреть «организирующую целеустремленность» радищевского текста и становится главным принципом анализа художественной формы «Путешествия...» в статье А. П. Скафтымова – принципом, по существу, сделавшим возможной органичную интерпретацию книги в единстве сложно организованной формы и не менее сложного, многопланового ее содержания.

Удивительна методологическая «соприродность» построения скафтымовского анализа самой сущности, главному «нерву» радищевского текста. Исследователь практически сразу определяет его как специфический диалогизм, у Радищева подчиняющий себе все остальные элементы стиля («автор спешит к диалогу, к беседе...»⁷). Подобная же диалогическая интонация «собеседования», нацеленности на совместный поиск истины определяет стилистику статьи, исполненной тех самых вопросов, которые, по меткой характеристике А. П. Скафтымова, так любил Радищев: «Сочетание разнообразных стилей в “Путешествии” само собою вызывает вопросы: какого рода эти стили? чем они определялись? в каком соотношении между собою здесь присутствуют? в какой мере сохраняется за каждым из них известная выдержанность и единство? не имеет ли какая-либо одна стилистическая стихия преимущественного преобладания?...»⁸.

Притягательность вопросов подобного рода прежде всего в том, что они помогают исследователю освободиться от «гипнотизирующего» влияния традиционных трактовок «стиля» (в данном случае, скорее, «метода») Радищева как «сентиментализма» или «реализма». Хотя разрешение данной проблемы является одной из главных задач статьи, однако перенос внимания с «известного» на неизвестное, непонятое, нуждающееся в непредвзятой интерпретации, на поиск ответов и позволил А. П. Скафтымову прийти к неожиданным, парадоксальным, на первый взгляд, выводам. В интерпретации исследователя творческий метод Радищева определяется не столько новаторскими тенденциями эпохи (что применительно ко второй половине 1780-х гг. означало обращение к зарождавшимся и крепнувшим в ту пору стилевым элементам предреализма и сентиментализма), сколько традицией, хотя и трансформирующейся вследствие обращения писателя к реальным политическим проблемам современности, а также общей для книги атмосфере сострадания, сочувствия. По мысли исследователя, «рассматриваемое с точки зрения принадлежности к той или иной литературной традиции “Путешествие”

Радищева должно быть признано произведением, выросшим на почве сложного взаимодействия прежних рационалистических представлений и композиционно-стилистических привычек с нарождающимся стремлением к обрисовке живой действительности в ее бытовом многообразии»⁹. Вывод А. П. Скафтымова о том, что сентименталистские художественные принципы коснулись Радищева меньше всего и только в отношении характерного для сентиментализма «созерцания и изображения бытовых форм жизни, элементов гуманизма в изображении деревни и пр.»¹⁰, закономерно вытекает из принципов анализа текста, принятых в статье. Именно материя художественного слова (в «Путешествии...» Радищева, действительно зависящего от требований условнориторического выражения) является предметом внимания ученого. Потому-то и оказывается, в сущности, неважным как таковой разговор о «чувствах» и изображении «слез» у Радищева; как пишет А. П. Скафтымов, «разница (между сентименталистскими художественными принципами и теми, что были приняты Радищевым в его книге. – Т. А.) не столько в количестве слез, сколько в их качестве»¹¹. «Слезы» Радищева в этом случае – не слезы меланхолии или умиления; это некий обязательный с рационально-логической точки зрения итог наблюдений и размышлений, обязательная часть развертывания риторического дискурса (впечатление – эмоциональная реакция на него – медитативно-логический «вывод»). Ученый отмечает, что «медитации Радищева – это не сентиментальные жалобы с описанием переживаемых чувств. Радищев в этих случаях или в виде общей сентенции делает вывод из только что рассказанного эпизода, или разъясняет, доказывает, логически расчленяет все мысли, какие должны быть возбуждены данным эпизодом»¹². Подобный подход к развертыванию литературной темы Л. В. Пумпянский называл принципом «исчерпывающего деления»¹³; в данном случае, выделяя этот художественный признак в стиле Радищева, А. П. Скафтымов убедительно подтверждает тезис о связи творческих принципов писателя с рационалистической литературной традицией.

Насыщенная ценным историко-литературным материалом, статья А. П. Скафтымова связывает «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева с очень богатой художественной палитрой европейской и русской литературы XVIII столетия. Имена Л. Стерна, К.-Ф. Морица, Ш. Дю-Пати, Ж.-Ж. Руссо, Л. Расина, Шабера, Помпийяка, Кребийльона, Лагранжа, Вольтера, Делиля, Мерсье и многих других, упоминаемые в статье, всякий раз отсылают читателя к различным литературным школам и направлениям, что придает исследованию подлинную стереоскопичность, так свойственную и самому Радищеву, и всем энциклопедически образованным авторам XVIII в. Для нас эта особенность научного сти-

ля А. П. Скафтымова интересна еще и потому, что благодаря ей исследователю удалось не только создать цельный концептуальный очерк художественного стиля Радищева, но и выстроить единую линию развития русской прозы «осмнадцатого столетия».

Согласно этой концепции, главным изменением, происходившим в русской прозе на рубеже 1760–1770-х гг., в структуре авантюрных романов и повестей становится «тяготение к факту, к конкретной бытовой реальности»¹⁴; при этом «авантюра, хотя и продолжает жить, но преобладающее поле теперь занято “нравами”, “психологией”, назидательной рефлексией и дидактической указкой»¹⁵. Примечательно само перечисление новых «тем» и идейных направлений тогдашнего романа – верный своим методологическим принципам, А. П. Скафтымов и здесь не стремится априорно обозначать ту или иную идейно-тематическую тенденцию в развитии прозы как «реалистическую», «сентименталистскую» и т. п. Трансформация прозы, по мысли исследователя, совершалась не в виде четкого тяготения писателя к тому или иному направлению (в действительности, разумеется, еще не сложившемуся и потому не осознаваемому), а именно в постепенном разложении архаической «авантюренности» сюжета, в превращении русской прозы второй половины XVIII в. в подлинное «нарративное искусство»¹⁶, нацеленное на решение как реалистических (бытописание), так и сентименталистских (раскрытие неповторимого психо-эмоционального облика личности) и рационалистически-просветительских задач (дидактика как моральная, так и историко-политическая).

Статья А. П. Скафтымова о стиле «Путешествия из Петербурга в Москву» – безусловно, одна из наиболее ярких и методологически плодотворных работ об этом произведении. На первый взгляд обращенная лишь к проблемам художе-

ственной формы, она, вместе с тем, удивительно глубоко и органично воссоздает и личностный облик писателя, смелое правдивое слово которого так живо отозвалось в стиле его главной книги.

Примечания

- ¹ См.: Скафтымов А. О стиле «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева // Учен. зап. Саратов. ун-та. 1929. Т. VII. Вып. III.
- ² См.: Скафтымов А. К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы // Русская литературная критика. Саратов, 1994. С. 134–159.
- ³ См.: Хализев В. «Против течения»: А. П. Скафтымов // Русская словесность. 2010. № 1. С. 5–8.
- ⁴ См.: Скафтымов А. О стиле «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева // Скафтымов А. Статьи о русской литературе. Саратов, 1958. С. 77–103. Далее ссылки даются на это издание.
- ⁵ См.: Лотман Ю. Задачи и методы структурного анализа поэтического текста // Лекции по структуральной поэтике. Тарту, 1964. Вып. I. (Учен. зап. Тартуского ун-та. 1964. Вып. 160).
- ⁶ Скафтымов А. Указ. соч. С. 77.
- ⁷ Там же. С. 84.
- ⁸ Там же. С. 79.
- ⁹ Там же. С. 103.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. С. 96.
- ¹² Там же.
- ¹³ См.: Пумпянский Л. Об исчерпывающем делении, одном из принципов стиля Пушкина // Пумпянский Л. Классическая традиция: собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000. С. 210–219.
- ¹⁴ Скафтымов А. Указ. соч. С. 80.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ См.: Топоров В. «Бедная Лиза» Карамзина. Опыт прочтения. К двухсотлетию со дня выхода в свет. М., 1995.

УДК 82–146.2+398.8

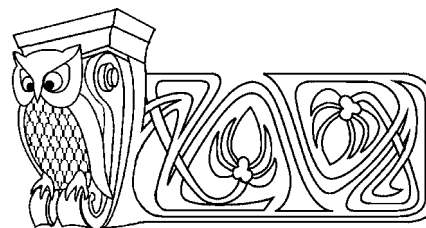
ПЕСНИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ЖЕСТОКИЙ РОМАНС В РЕПЕРТУАРЕ РУССКИХ ЦЫГАН

И. Ю. Махотина

Тверской государственной университет
E-mail: maxota@list.ru

В статье показано, как русские песни литературного происхождения и жестокий романс приобретают особые национальные черты в цыганском исполнении. Включены ранее не издававшиеся тексты.

Ключевые слова: песни литературного происхождения, жестокий романс, русские цыгане, цыганский хор, цыганская интерпретация.

Literary Songs and Song of Unhappy Love in Russian Roma's Repertoire

I. Yu. Makhotina

The article shows how Russian literary songs and song of unhappy love acquires specific national features in the Roma's performing. Some texts not published before are included.

Key words: songs of literary origin, song of unhappy love, Russian Roma, Roma choir, Romani interpretation.